
РЕЦЕНЗИИ

Т. В. ПАНФИЛОВА

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 2014. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс.

В статье представлены итоги аналитической работы и размышлений философско-исторического характера, навеянные книгой, посвященной историческому прогнозированию в XXI в. Интуитивное предвидение имеет прогностическую ценность и, как и прогноз, должно подвергаться научному анализу. Общественный прогресс – важное понятие для прогнозирования, но его применимость к осмыслению нынешнего положения в мире нуждается в дальнейшей проработке. Отмечая эвристическую ценность работы В. И. Пантина и В. В. Лапкина и тот неоспоримый факт, что их книга стимулирует дальнейшее осмысление проблем прогнозирования глобального общественного развития, автор статьи указывает на неоднозначность и некоторую непоследовательность подхода Пантина и Лапкина к проблеме «Запада и Востока», по авторскому мнению, уже утрачивающей релевантность. Непосредственно касаясь этой темы, В. И. Пантин и В. В. Лапкин справедливо ратуют за отказ от привычного, но неадекватного взгляда на историю через призму противостояния Востока и Запада. Но во многих случаях латентная логика изложения настраивает неискушенного читателя на западоцентрическое восприятие формулируемых ими трендов мирового развития. Возможно, авторам удастся избежать этого в дальнейших исследованиях данной чрезвычайно актуальной проблематики.

Ключевые слова: историческое прогнозирование, философия истории, предвидение, прогресс, циклы и волны истории, противостояние между Востоком и Западом.

История и современность, № 2, сентябрь 2016 219–232

Предлагаемые читателю заметки навеяны содержанием сравнительно недавно изданной работы, посвященной историческому прогнозированию в XXI в. (Пантин, Лапкин 2014). Заметки, однако, не являются рецензией на книгу в полном смысле этого слова. Речь пойдет скорее о размышлениях философско-исторического характера, на которые наталкивает ряд положений книги, в целом преимущественно футурологической и политологической, нежели философской.

Упомянутая книга является продолжением более ранней работы тех же авторов, связанной с проблемами исторического прогнозирования (Они же 2006). Поскольку в названии предыдущей книги фигурировало слово «философия», что предполагало ее философское содержание, автор этих строк в свое время написала на нее рецензию (Панфилова 2007). В качестве одного из замечаний в ней указывалось некоторое несоответствие названия книги ее действительному содержанию. Дело в том, что основное место в рецензируемой работе все-таки занимали описание и анализ ритмов и циклов истории, научных приемов и методов, используемых при прогнозировании, демонстрация их достоинств и недостатков, тогда как философским основаниям прогнозирования отводилось более скромное место (Там же: 153).

Авторы учли высказанное замечание, и название последней работы точно отражает ее содержание. Правда, я бы предпочла, чтобы авторы привели название книги в соответствие с ее содержанием противоположным образом, а именно расширив ее философскую часть. Но что делать? Интерес авторов книги лежит в иной плоскости по сравнению с интересом автора настоящих заметок. Тем не менее В. И. Пантин и В. В. Лапкин прекрасно понимают, что вообще не затронуть философских основ прогнозирования – значит существенно обеднить содержание работы. Поэтому в их совместном труде немало положений, сопряженных с философией. Они-то и представляются наиболее дискуссионными.

Пророчество: ценность и ограниченность

Часть I книги прямо посвящена философским и научным основам исследования будущего. В ней сосредоточены материалы, свидетельствующие о вкладе классиков философии истории в пред-

ставления о дальнейшем мировом развитии. Там же изложены основы разработанной авторами теории исторического прогнозирования. И хотя все содержание I части, безусловно, представляет интерес, особенно хочется выделить параграф, посвященный **сбывшимся** прогнозам ряда мыслителей XIX–XX вв. Здесь продемонстрирован вклад в представления о будущем таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Соловьев, Н. Бердяев, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет. Убедительно показано, что прогнозы сбываются, когда мыслителю удастся уловить действительные тенденции истории и правильно оценить степень их устойчивости. Однако здесь же возникают и недоуменные вопросы, и возражения. Например, почему из ряда мыслителей, прогнозы которых осуществились, выпал Н. Данилевский? Конечно, авторы имеют право говорить о том, о чем (или о ком) считают нужным. Но не упомянуть Данилевского, говоря о сбывшемся прогнозе Шпенглера, по моему, несправедливо. Ведь Данилевский предсказал «Закат Европы» на полвека раньше Шпенглера.

Своеобразно и, на мой взгляд, спорно представлены прозрения Ф. Достоевского. Авторы правомерно увязывают их не с научным, а с «художественно-интуитивным предвидением». Думается, однако, что это признание не избавляет авторов от необходимости научной оценки прозрений великого писателя, каковая представляется тем более важной, чем больше входят в моду ссылки на классика русской литературы как на пророка, тогда как научное осмысление его трудов большинству его поклонников, скорее всего, покажется излишним: раз сам классик критически относился к науке, как можно его сочинения «научно» осмысливать?

Я же настаиваю на научной оценке именно постольку, поскольку вместе с авторами считаю, что наука должна не только «анализировать и расчленять», но и «синтезировать и соединять», для чего необходим «методологический синтез» разных научных подходов с опорой на философско-исторический подход (Пантин, Лапкин 2014: 127). Полностью согласна с авторами в их критическом отношении к позитивистскому истолкованию науки. Но тогда и взгляды Достоевского, сколь бы пророческими они ни казались, должны рассматриваться с научной точки зрения, в данном случае – конкретно-исторически, чего, по моему, не получилось. Так,

авторы формулируют позицию Достоевского по поводу состояния современной ему «технической цивилизации» следующим образом: «Корень всех бед современной технической цивилизации, согласно Достоевскому, заключается в утрате веры в Христа и в утрате духовной свободы, замененной изобилием материальных благ и прочными социальными путями “организованного общества”» (Пантин, Лапкин 2014: 75). Поскольку никаких комментариев к этому пассажиру авторы не предлагают, напрашивается мысль, что они согласны с Достоевским. Хотелось бы узнать в таком случае, в какой исторический период вера в Христа была настолько сильна, что обеспечивала человеку «духовную свободу»? Речь ведь идет не об отдельно взятых отшельниках, к которым, возможно, это и относится, а об общественном сознании в целом. Мне такие времена неизвестны. Готова согласиться с тем, что «организованное общество» связывает человека прочными социальными узами. А разве сословное общество периода феодализма этого не делало?

Ответ на возникшие вопросы, число которых можно было бы и увеличить, позволил бы понять, в какой мере интуитивные прозрения Достоевского, представленные в художественных образах, применимы к повседневной действительности. Одно дело, когда художник живописует противостояние Христа и дьявола, позицию которого выражает Великий инквизитор; совсем другое – когда встает вопрос: что делать? Что же предлагает Достоевский? Вернуться к вере в Христа? Отказаться от «изобилия материальных благ»? Обретем ли мы «духовную свободу» таким образом? Да и что такое «духовная свобода», о которой говорит Достоевский? Наверняка это словосочетание будет по-разному трактоваться в разных учениях.

Сегодня найдется немало желающих порассуждать о «духовной свободе» как о чем-то само собой разумеющемся. Неудивительно, что в качестве одного из вариантов мы встречаем ссылку на либерализм как на основу свободы, то есть положение, прямо противостоящее представлению Достоевского, который правильно уловил основную направленность либерализма на разобщенность людей, на их поглощенность своими эгоистическими интересами, выливающимися в потребительство. Классик не обязан разбираться в при-

чинах подобного расхождения в трактовках, а вот аналитикам, пожалуй, без этого не обойтись.

Высказанные замечания не означают полного несогласия с авторами книги в их оценке прозрений Достоевского. Вовсе нет. Нельзя, например, не согласиться с тем, что Достоевский угадал путь развития Запада. Речь в данном случае идет о том, что броские пророчества – даже если они сбываются – неизбежно односторонни. Хорошо, что они привлекают внимание читающей публики яркостью и всеобщим охватом жизни человечества, но довольствоваться ими тоже нельзя. Необходим переход к научному прогнозу, что, кстати, авторы и делают, но позже, в последующих разделах книги. А вот в параграфе, посвященном Достоевскому, авторы, похоже, попали под обаяние классика до такой степени, что разделили его взгляд на будущее России, выразив его в пророчески «спрямленном» виде.

Так, авторы безоговорочно восприняли от Достоевского положение о «российской болезни», выражающейся в «маниакальном поиске исключительно простых, прямолинейных решений» (Пантин, Лапкин 2014: 83). По мнению авторов, именно «маниакальное стремление к простоте решения сложных проблем в свое время привело народовольцев к убийству царя-освободителя Александра II, большевиков – к революции 1917 года <...>, Сталина – к великому террору <...>, брежневскую номенклатуру – к застою и отупению, Горбачева – к распаду СССР, Ельцина... – к коррупции и разграблению страны, нынешних правителей – к расточению последних человеческих и природных ресурсов страны» (Там же: 83–84).

Что ж, сказано хлестко, но не слишком ли упрощенно? Действительно ли все перечисленное объясняется чьим-то стремлением упростить сложное? Ведь сами авторы в дальнейшем изложении показывают, сколько факторов влияло на формирование той или иной ситуации и на попытки выйти из сложившегося положения; сколько волн и циклов политических, экономических, социальных, причем как внутренних, так и внешних, накладывались друг на друга, создавая своеобразное положение, которое невозможно было предсказать путем простой экстраполяции отдельно взятых тенденций. Получается, что с каждым явлением приходится разби-

раться особо, конкретно-исторически, что авторы дальше и делают. Тогда как в параграфе, посвященном Достоевскому, они безоговорочно принимают сторону писателя в его полемике с современниками, упрекая последних в недалёковидности, в неспособности понять глубину прозрений великого классика.

Полагаю, что справедливости ради надо бы с пониманием отнестись к позиции современников Достоевского, которые ждали от него идейной поддержки, а получили карикатуру на свои попытки разрешить самые болезненные проблемы тогдашнего российского общества, причем сарказм писателя приняли на свой счет. А первостепенными проблемами для России были отнюдь не издержки «технической цивилизации» с ее «изобилием материальных благ», а нечто совершенно иное: нищета, неграмотность, техническая отсталость страны. И если оппоненты Достоевского оказались недостаточно дальновидными для того, чтобы по достоинству оценить его предсказания на будущее, то и позицию великого писателя придется признать односторонней, ибо он явно отдает предпочтение движению назад к утраченной вере, а не вперед к разрешению насущных общественных проблем. Впрочем, где именно искать утраченное царство «духовной свободы», остается, как уже было сказано, непонятным.

Завершая первую часть заметок, хотелось бы еще раз подчеркнуть: несмотря на высказанные замечания и возражения, я считаю удачей авторов книги то, что они показали значимость интуитивных прозрений. Другое дело, стоит ли принимать их безоговорочно. Лучше бы разобраться в них с учетом исторических обстоятельств. В конечном счете, полагаю, к интуитивным прозрениям и броским обобщениям действительно стоит прислушиваться, однако с долей здорового скептицизма.

Прогресс: всегда ли был? Всегда ли будет?

Привлекает внимание позиция авторов относительно прогресса. Авторы справедливо увязывают идею линейного прогресса со становлением капитализма. Правда, их взаимозависимость для начала объясняется как-то слишком уж идеалистически: «Капитализм нуждался и нуждается в идее линейного прогресса, чтобы оправдать этим “прогрессом” многочисленные жертвы, катастрофы и

преступления, без которых он не может существовать и развиваться» (Пантин, Лапкин 2014: 121). Не склонная обелять капитализм, я испытала, однако, желание возразить: идея общественного прогресса не сразу превратилась в идеологическое прикрытие пороков капитализма. Первоначально в ней фиксировались действительные и зачастую положительные изменения в обществе. Впрочем, в дальнейшем изложении обнаружилось, что авторы это прекрасно понимают и в последующих параграфах показывают, что понятие «прогресс» выражает действительную тенденцию общественного развития. Оказывается, они просто хотели подчеркнуть, что прогресс осуществляется не линейно, а прокладывает путь через циклы и волны истории: «Поступательные сдвиги в обществе во многих случаях проходят именно *через* (курсив авторов. – Т. П.) эволюционные циклы и волны» (Там же: 134).

Полностью соглашаясь с такой трактовкой прогресса, выражаю сожаление по поводу не совсем удачной компоновки материала, в результате чего у читателя может сложиться превратное представление о позиции авторов по данному вопросу. В порядке уточнения позиции хорошо бы уже здесь подчеркнуть, что представление о линейном прогрессе разработано в недрах позитивизма. Поскольку в рассматриваемой книге убедительно раскрыта ограниченность позитивистской методологии вообще, нелишним было бы подчеркнуть односторонность позитивистской трактовки прогресса в частности.

Вместе с тем возникают вопросы, которые в книге не обсуждаются, но к которым читателя подталкивает ее содержание: во-первых, применимо ли понятие прогресса к истории до капитализма; во-вторых, работает ли это понятие до сего дня?

Что касается первого вопроса, авторов никак нельзя упрекнуть в том, что они его не отметили, поскольку здесь мы имеем дело не с прогнозированием будущего, чему посвящена книга, а, напротив, с осмыслением давно прошедшего. Тем не менее вопрос напрашивается, коль скоро было заявлено, что идея линейного прогресса возникает вместе с капитализмом. Мне представляется, что это важный вопрос философии истории, которого мне уже доводилось касаться. Теоретически он предстает как вопрос о научном статусе

«истории вообще» и всемирной истории (Панфилова 1999: 11–23; 2013: 22–25). Суть его сводится к следующему: понятие всемирной истории относится только к тому периоду, когда история становится глобальной благодаря международному разделению труда, что характерно для капитализма. Что же касается «истории вообще», то это лишь общий термин для обозначения всего, что произошло с людьми на протяжении веков их существования. Думается, что понятийное разграничение необходимо для того, чтобы выразить качественные различия разных периодов истории. Если принять такое разграничение, получится, что нет оснований говорить о прогрессе как о тенденции «истории вообще». Прогресс как тенденция общественного развития начинает прокладывать себе дорогу через циклы и волны истории только тогда, когда история начинает сливаться в единый целостный процесс всемирной истории. А происходит это по мере становления капитализма с его неизбежной экспансией вовне и со столь же неизбежным формированием мирового рынка.

Благодаря предложенному разграничению понятий все становится на свои места: представление о линейном прогрессе однозначно увязывается с возникновением капитализма, тогда как в предыдущие эпохи господствуют идеи циклизма. Однако отсюда логически вытекает вывод о разном качестве исторических эпох, в результате чего под вопросом оказывается положение о «сквозных» законах истории. Думается, что так и должно быть. Наличие «сквозных» законов (или тенденций) истории, как правило, выводится эмпирически путем простых обобщений более или менее очевидных (или достоверно известных) и широко распространенных или часто встречающихся явлений. По сути дела, они соответствуют статистическим закономерностям. Конечно, это тоже закономерности. Но являются ли они историческими? Теоретически же обосновываются только закономерности и тенденции того состояния истории, которое выше предложено называть «единой всемирной историей».

Описанное теоретическое затруднение негласно присутствует в рассматриваемой книге. Я усматриваю его в том, что, с одной стороны, авторы формулируют ряд «сквозных» тенденций, связывая

их со сверхдлинными глобальными волнами дифференциации – интеграции; с другой – авторы характеризуют циклы Кондратьева как «чередующиеся периоды повышения и понижения конъюнктуры *мирового* (курсив мой. – Т. П.) хозяйства» (Пантин, Лапкин 2014: 236). Это ли не констатация качественных особенностей мирового, то есть глобализованного, хозяйства в отличие от «истории вообще»? Получается, что в понятийном различении «истории» и «всемирной истории» есть резон. Авторы книги этим вопросом не занимаются и имеют на это право. Остается лишь констатировать, что проблема налицо.

А как обстоит дело с понятием «прогресс» применительно к нынешней стадии глобализации? Иначе говоря, употребляем ли мы термин «прогресс» в одном и том же смысле, когда говорим о становлении капитализма, с одной стороны, и когда характеризуем процессы глобализации в ее нынешнем состоянии – с другой? Как бы мы ни подчеркивали нелинейность прогресса, его зависимость от волнообразных экономических и политических процессов, мы все-таки подразумеваем наличие поступательного движения в обоих случаях. А есть ли для этого основания? Если становление капитализма действительно сопровождалось развитием производительных сил и повышением уровня организации общественного производства, на что обратил внимание О. Конт в начале XIX в. и с чем связывалось понятие прогресса, то вопрос о том, имеет ли место ныне развитие производительных сил, представляется не надуманным, а, напротив, вполне своевременным.

Ведь центр тяжести общественного производства глобализованного мира окончательно сместился в область банковского капитала и финансов. Иначе говоря, достигло апогея положение, которое в начале XX в. В. И. Ленин определил как империализм, или «загнивающий капитализм». Интересно, что О. Шпенглер тоже активно пользовался этим термином. Впрочем, об этом мне уже доводилось писать (Панфилова 2013: 30–32). Не буду повторяться. Отмечу лишь, что, рассуждая с позитивистской точки зрения, становление нового технологического уклада можно расценить как прогресс. Если же обратиться к разработкам марксистской общественной науки, то в ней критерием общественного прогресса при-

знавалась степень овладения человеком природными и социальными силами. Применяв этот критерий к современному обществу в глобальном масштабе, мы получим несомненную деградацию, а вовсе не прогресс. Причем это рассуждение зачастую относится и к отдельным частям мирового сообщества. Пример России – яркое тому подтверждение, что убедительно показано в главе 6 рассматриваемой книги. Со своей стороны замечу, что развал СССР преподносился как необходимая мера для того, чтобы «вернуться в цивилизацию», то есть вписаться в глобальные процессы с целью ускоренного развития каждой из частей бывшего Советского Союза. В действительности же развал страны привел к ослаблению, а то и утрате жизнеспособности каждой из ее частей перед лицом финансовой элиты глобализированного мира.

Так что же получается? С одной стороны, мы привычно говорим о *развитии* современного общества, то есть о наличии в нем прогрессивной тенденции, надеясь на становление нового технологического уклада. Другими словами, мы рассуждаем с позитивистской точки зрения, продолжая подчеркивать несостоятельность позитивизма. С другой стороны, мы не можем не признать, что вслед за закатом западноевропейской цивилизации наступает закат мирового сообщества, функционирующего по принципам капиталистической интеграции. Может быть, решение проблемы состоит в признании того, что деградирует западноевропейская цивилизация, зато укрепляется и развивается мировое сообщество?

Отмечая все возрастающую степень интеграции в современном мире, авторы предлагают ввести новые термины для обозначения межцивилизационного образования, включающего в себя как развитые капиталистические страны, так и новые бурно развивающиеся государства Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, – «универсальная цивилизация» или «сверхцивилизация». Следует ли считать, что объединительные процессы свидетельствуют об общественном развитии, то есть выражают прогрессивную тенденцию? Для отдельно взятых стран, возможно, так и есть. Но правомерно ли говорить о прогрессе всего глобализирующегося мира? Боюсь, что нет. Имеющиеся у нас критерии общественного прогресса этого сказать не позволяют, ибо глобализирующееся человечество

вступает в неразрешимое противоречие с природой и в конечном счете с самим собой, причем окончательно утрачивает способность управлять как природными, так и социальными силами. И либо надо выработать новые критерии прогресса, либо признать правоту Ленина: империализм – это закат *капитализма*, в какой бы части света он ни находился, а не только западноевропейской цивилизации. Что же касается предложенных авторами новых терминов для осмысления возникающих межгосударственных объединений, то мне они представляются не только излишними, но и способными ввести в заблуждение, ибо из-за них стираются качественные различия между древними цивилизациями как самодостаточными образованиями, опирающимися на автохтонную культуру, и современными объединениями ряда стран, основу которых авторы называют «индустриально-капиталистической», а вовсе не культурной. Думается, проблема не в недостатке терминов, а в необходимости заново осмыслить понятия «развитие» и «прогресс» применительно к сегодняшней действительности.

Восток и Запад: вечное противостояние?

Не могу не остановиться на теме «Восток – Запад», поскольку это одна из тем, затронутых в рассматриваемой книге в связи с вопросом о наличии сверхдлинных глобальных волн дифференциации – интеграции. Выделив несколько «сквозных» тенденций глобальной истории, авторы называют в качестве одной из них «чередование доминирования Востока и Запада при переходе от одного глобального цикла дифференциации – интеграции к другому» (Пантин, Лапкин 2014: 217). Мотив исторического соотношения Востока и Запада в связи со сверхдлинными глобальными волнами присутствовал и в предыдущей совместной книге авторов, посвященной историческому прогнозированию (Они же 2006: 248–270). В рецензии на эту книгу пришлось отметить непоследовательность авторов, выразившуюся в том, что, с одной стороны, они справедливо критикуют западоцентризм, а с другой – продолжают придерживаться типичного для западноевропейской истории деления на Античность, Средневековье и Новое время, подгоняя под него историю стран Востока (Панфилова 2007: 155).

К сожалению, авторы не прислушались к высказанному тогда замечанию, хотя возражений с их стороны тоже не последовало. Как бы то ни было, но в рассматриваемой книге повторяется та же непоследовательность: справедливая критика в адрес европоцентризма и западоцентризма сопровождается элементами западоцентристского взгляда на историю. Сюда относятся и привязка циклов дифференциации – интеграции к периодам Античности, Средневековья и Нового времени, и характеристика каждого цикла с европейской точки зрения. В результате суждения авторов выглядят не всегда оправданными. Например, характеризуя первый античный цикл, авторы подчеркивают «культурное, экономическое, политическое и военное доминирование Запада в лице полисов Древней Греции, эллинистических государств и Римской державы», тогда как Индия и Китай, по их мнению, находились «на периферии тогдашнего цивилизованного мира, центром которого были Средиземноморье и Ближний Восток» (Пантин, Лапкин 2014: 217). Хотели того авторы или нет, но поневоле получается, что Средиземноморье и Ближний Восток оказываются «Западом», поскольку многие греческие города-государства находились в Малой Азии, то есть на Ближнем Востоке. Чтобы избавиться от терминологического недоразумения, достаточно отказаться от осмысления истории в терминах «Восток – Запад». Кстати, компаративисты так и поступили, выделив не два (Восток – Запад), а три самостоятельных в культурном отношении региона: Средиземноморский, Дальневосточный и регион Индостана.

Или другой пример: для второго (средневекового) цикла авторы считают характерным доминирование Востока и перечисляют следующие доминировавшие тогда государства: Византийская империя, Арабский халифат, Китай и Монгольская держава. Однако Византийская империя была Востоком для Западной Римской империи, но никак не для Арабского халифата и, что еще важнее, не для самой себя. Каков же смысл в общем названии «Восток» для столь разных государств, общность которых состоит только в том, что они расположены к востоку от Рима?

Еще интереснее дело обстоит с современностью. Признав господство Запада в третьем цикле, авторы предсказывают, что в гря-

дущем четвертом цикле Восток должен выйти на первый план, и перечисляют такие страны, как Китай, Япония и Индия. Невольно возникает вопрос: а вдруг к ним присоединятся – или даже обгонят в каких-то отношениях – страны Латинской Америки, скажем, Бразилия? Куда их отнести – к Востоку или Западу?

Я не ставлю под сомнение сам факт чередования в истории выхода на первый план тех или иных стран, расположенных в разных частях света. Вопрос в другом: какой смысл пользоваться устаревшими и не оправдавшими себя категориями? Они не безобидны. Читатель, незнакомый с разработками современных компаративистов, давно отказавшихся от жесткого деления мира на Запад и Восток, вместе с понятиями осваивает их мировоззренческую основу и настраивается на западоцентризм вопреки рекомендациям авторов. А ведь этого легко избежать. Достаточно отказаться от привычного, но неадекватного взгляда на историю через призму противостояния Востока и Запада, за что, кстати, авторы рассматриваемой книги и ратуют. Хорошо бы последовательно выдержать провозглашенную позицию. Правда, придется пересмотреть тезис о сверхдлинных волнах дифференциации – интеграции, а заодно и поискать ему теоретическое обоснование. Что делать? Процесс познания бесконечен!

* * *

Подводя общий итог разрозненным заметкам по поводу проблем исторического прогнозирования, хотелось бы отметить эвристическую ценность работы В. И. Пантина и В. В. Лапкина и необходимость дальнейшего осмысления затронутых проблем.

Литература

Пантин, В. И., Лапкин, В. В.

2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+.

2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+.

Панфилова, Т. В.

1999. *Личность во всемирной истории (методологические аспекты)*. М.: Изд-во МГИМО.

2007. Рецензия на книгу: В. И. Пантин, В. В. Лапкин. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития*. *Философские науки* 8: 153–156.

2013. *О пользе и вреде философии истории*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.